

размывая и деформируя ее. Одновременно с этим Баратынский строго блюдет законы стилистической точности, благодаря чему гармония Золотого века вбирает в себя диссонансы земных смыслов.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-136-143

© А. А. Карпов

«АНЕКДОТ О ДВУХ РУССКИХ ЛИТЕРАТОРАХ»

«Анекдот о двух русских литераторах, вложенный в рамки китайской комедии» — так когда-то охарактеризовал пьесу О. И. Сенковского «Фаньсу, или Плутовка горничная» ученик и биограф писателя П. С. Савельев.¹ При публикации в журнале «Библиотека для чтения» она была представлена как перевод, выполненный неким провинциальным чиновником.² Действительно, основу произведения составила драма китайского автора Чжэн Гуан-цзу (Чжэн Дэ-хуэй; конец XIII — начало XIV века) «Tchao-meï'-hiang» («Ловкая наперсница»), перевод которой на французский язык вышел в Париже в середине 1830-х годов.³ Сюжет произведения имел стереотипный для традиционной китайской литературы характер: молодые влюбленные — талантливый юноша Бей-Миньджан и прекрасная княжна циньская Сяо-Мань — при помощи хитроумной служанки героини Фаньсу преодолевают различные препятствия и в итоге соединяются после того, как Бей-Миньджан блестяще сдает необходимый для получения высокого чина государственный экзамен. Однако тривиальная схема любовной драмы была существенно преобразована и усложнена Сенковским за счет введения дополнительной линии и связанных с ней новых действующих лиц — сочинителя повестей и романов Ми-Лашуня, сопровождающего его «мальчика с горшком» и «книжных дел мастера» (т. е. литератора и журналиста) Пху-Лалиня.⁴

Осуществленную Сенковским переработку пьесы открывает Пролог, из которого мы узнаем, что Ми-Лашунь недавно написал повесть «Княжна Циньская», а Пху-Лалинь, «которого имя сделалось предметом омерзения во всем Среднем Царстве», разругал ее «в своем листке» за то, что автор «не напоил его рисовым вином» (с. 54). Ми-Лашунь преследует «злого ябедника» (с. 56), собираясь замазать ему рот дурно пахнущей желтой глиной (эта своеобразная «антикритика» и является содержанием горшка, который носит мальчик). Далее на сцене появляется Бей-Миньджан. Выясняется, что Пху-Лалинь несправедливо поносит и его стихотворения. Оба персонажа пускаются на поиски клеветника, который к тому времени уже успел перебраться в «восточную столицу» Китая, где познакомился с матерью Сяо-Мань — княгиней Хань и, выдавая повесть «Княжна Циньская», полную похвал в ее адрес, за собственное сочинение, сумел добиться ее расположения и обещания выдать за него свою дочь, ранее обещанную Бей-Миньджану.⁵ Таким образом, Пху-Лалинь становится со-

¹ [Савельев П. С.]. Библиографический список сочинений Сенковского // Собр. соч. Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 1. С. СХХIII.

² Фаньсу, или Плутовка горничная. Китайская комедия. Сочинение знаменитого Джин-Дэхуэя. Буквально с китайского переводил на Кяхте и к сему переводу руку приложил: пограничный толмач, десятого класса Разумник Артамонов сын *Байбаков* // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Ч. 2. Отд. II. Иностранная словесность. С. 53–140. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

³ *Рифтин Б. Л.* Русские переводы китайской литературы в XVIII — первой половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX века: Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ «Последняя моя проделка достойна знаменитого в древности плута Чхинь-джуана, — хвастается Пху-Лалинь. — Некто Ми-Лашунь издал <...> повесть под названием „Княжна Цинь-

перником Бей-Миньджана в борьбе за руку девушки, а обе сюжетные линии произведения — любовная и литературная — соединяются. В итоге Бей-Миньджан триумфально выдерживает испытание, представив на конкурс «прекрасное сочинение, которое своим изяществом и блеском не уступает солнечным лучам» (с. 125), и превосходно ответив «на все философические вопросы, предложенные Сыном неба» (с. 125–126). Восхищенный его познаниями император назначает Бей-Миньджана на высокую должность мандарина тринадцатой степени и повелевает выдать за него дочь княгини Хань. Пху-Лалинь, также участвовавший в конкурсе, терпит неудачу,⁶ и тогда, каким-то образом ознакомившись с сочинением Бей-Миньджана, пытается опорочить соперника: «...он представил в приказ едкое и неприличное возражение на его диссертацию: все члены приказа <...> пришли в негодование при чтении этой недобросовестной критики, придирчивой, наглой, злой, исполненной пошлых насмешек, личностей и невежества» (с. 127). Кроме того, «книжных дел мастер» разоблачен и как плагиатор. По просьбе Ми-Лашуна, «движимого любовью к общей пользе и благопристойности», Пху-Лалинь приговорен к замазыванию рта «желтой нанкинскою глиной, в достойное отмщение за Бей-Миньджана <...> за всех даровитых людей, которых этот книжных дел мастер старался запятнать славу своею нечистою кистью» (с. 127), «а дабы оный Пху-Лалинь стоял прямо и твердо и не вертелся во время сей торжественной операции», император повелевает «посадить его на кол» (с. 138). Заканчивается пьеса двумя свадьбами — Бей-Миньджана и Сяо-Мань, Ми-Лашуна и Фаньсу.

Если Савельев ограничился лишь общим указанием на литературно-полемический подтекст комедии Сенковского, то много позднее В. А. Каверин высказался на эту тему более определенно: «Все или почти все действующие лица „Фаньсу“, судя по намекам, <...> по общему тону автора характеристик, которыми сопровождается появление каждого из героев на сцене, изображали современников, — и не только литературных. Некоторых мне не удалось разгадать, о других я мог бы высказать лишь более или менее правдоподобные предположения, и только одно лицо — книжных дел мастер Пху-Лалинь — представляется мне совершенно ясным. <...> Нет, разумеется, никаких сомнений, что речь идет о Булгарине».⁷ В подтверждение своего вывода Каверин приводит самохарактеристику Пху-Лалиня, несомненно подразумевающую Булгарина: «Я, Пху-Лалинь, книжных дел мастер <...>, — представляет себя этот персонаж в соответствии с традициями китайской комедии. — Я написал мандаринским слогом много книг, которые в прежнее время хорошо продавались. Теперь вкус публики испортился, цены на них совершенно упали, и я, продав остальную запас моих сочинений на оберточную бумагу купцам, торгующим чаями с Кяхтою, из сочинителя книг сделался книжных дел мастером: бракую книги в издаваемом мною листке, который с наслаждением читают в лавках и харчевнях всего Поднебесья; покровительствую или разоряю книгопродавцев, смотря по тому, кто из них более мне заплатит; браню все, что угрожает мне большим успехом в публике; хвалю то, что мне приносит пользу, и живу себе припеваючи. Таким образом, я из книжного дела сделал мастерство, литературу превратил я для себя в ремесленную промышленность. В Поднебесной Империи не было до меня подобного примера: я первый получил звание книжных дел мастера за то, что мастерю их на славу» (с. 83–84).

Дополнительным аргументом в пользу того, что в лице Пху-Лалиня был изображен именно Булгарин, служит сходство его признаний с разоблачением журнальной деятельности Булгарина и Греча в памфлете Сенковского «Компания на акциях для

ская“, которая сильно пошла в ход в нашей стороне; я разобрал ее, потому что так было нужно. <...> Мне пришла в голову забавная мысль поднести книгу Ми-Лашуна княгине Хань. Повесть написана в похвалу ей и ее мужу и издана безыменно; следовательно, все как нельзя лучше соответствовало моему намерению» (с. 84).

⁶ «Самым лучшим из всех рассуждений было признано приказом Бей-Миньджаново, а одним из самых плохих Пху-Лалинево» (с. 127).

⁷ Каверин В. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». Л., 1929. С. 134–136.

битья по карманам», иронично помещенном в отделе «Промышленность и сельское хозяйство» «Библиотеки для чтения»: «Что это такое, — спросите вы? — Ничего, так. Тоже промышленность и, собственно, промышленность литературная. Мало ли чем смысловые <так!> люди промышляют на свете! Одни снимают винные откупа, другие торгуют лесом, иные составляют компании паровозов, зельцеровской воды, зимних дорог и прочая, и прочая, и прочая. Зачем же вы хотите, чтобы и в литературах не было промышленных предприятий, когда в них есть промышленники? Деньги всякому нужны, и всякой имеет право добывать их по тем понятиям, какие он составил себе о чести. Вся разница между промышленниками нелитературными и литературными состоит в том, что <...> литературные <...> находят гораздо кратчайшим прямо засунуть руку в чужой карман и брать из него прибыль без всякого капитала науки и без малейшего труда на обделку какой-нибудь полезной для общества идеи. Такова в коротких словах теория этой промышленности. <...> в подобные промышленники обыкновенно попадают отцветшие писатели, которые, лишившись литературного влияния и доходов, с отчаяния пускаются в карманный промысел. <...> Вот в чем состоит их знаменитая система *битья по карманам*. Последователи ее, как скоро увидят, что кто-нибудь из книгопродавцев или издателей решился на обширное предприятие, приносящее честь литературе, <...> тотчас становятся его притеснителями <...> *Уронить, разорить* — это их технические слова. <...> Отделение „Промышленности и сельского хозяйства“ исполняет тягостный долг, указывая благомыслящим людям на существование на свете столь безнравственного ремесла, каково то, которым занимаются подобные писатели».⁸

Однако в своем лаконичном примечании Савельев говорит о *двух* русских литературах, изображенных в «Фаньсу». Кого же, помимо Булгарина, он мог иметь в виду? Исходя из самохарактеристик Ми-Лашуня, В. А. Каверин высказал предположение, что некоторые его черты указывают «как будто на <Н. А.> Полевого».⁹ Действительно, жанры, в которых работает Ми-Лашунь, совпадают с репертуаром творчества Полевого-прозаика — автора повестей, романов и совершенно невозможных в традиционной китайской литературе «былей». К выступлениям Полевого-критика, ниспровергателя общепризнанных авторитетов от Кантемира и Сумарокова до Озерова, Карамзина и своих непосредственных современников, отсылает фраза Ми-Лашуня «Я <...> человек решительный: в свою жизнь я прибил порядком нескольких важных мандаринов» (с. 51).¹⁰ Как намек на свойственное Полевым преувеличенное представление о достоинстве своих произведений и масштабах собственной известности может быть воспринята похвальба Ми-Лашуня: «Когда я сочиню быль, или повесть, или роман, то вся Поднебесная Империя надивиться не может блеску моего слога, отборности моих букв, благозвучию моих фраз» (с. 53–54).¹¹

Насмешливый характер изображения в комедии Ми-Лашуня (Н. Полевого) вполне объясним: после закрытия «Московского телеграфа» Полевой некоторое время сотрудничал с Сенковским, но в конце 1837 года покинул его журнал и принял на себя редактирование изданий Булгарина и Греча — «Северной пчелы» и «Сына отечества», в которых сразу выступил с критикой «Библиотеки для чтения». Впрочем, его участие в газете Булгарина также оказалось непродолжительным и вскоре закончилось разрывом.¹²

⁸ Библиотека для чтения. 1838. Т. XXXI. Отд. IV. С. 28–30. В оглавлении тома как автор публикации указан «Г. Иванов».

⁹ Каверин В. Барон Брамбеус... С. 135.

¹⁰ Ср. также в предисловии Полевого к его историческому роману «Клятва при Гробе Господнем»: «я <...> смело сказываю истину писателям и писателям нашим, *знаменитым и незнаменитым*» ([Полевой Н. А.]. Разговор между сочинителем *русских былей и небылиц* и читателем // [Полевой Н. А.]. Клятва при Гробе Господнем. Русская быль XV-го века. М., 1832. Ч. 1. С. X (курсив мой. — А. К.).

¹¹ Ср. со знаменитым утверждением Полевого, вызвавшим насмешки его современников: «...я <...> Русь знаю, Русь люблю, и еще более — позвольте прибавить к этому — Русь меня знает и любит» (Там же. С. IX).

¹² См.: Табакеръ Ю. И. Н. А. Полевой и О. И. Сенковский: о чем молчат историки? // Вестник РГГУ. 2007. № 9. С. 53–59.

Таким образом, прототипы двух персонажей «анекдота» Сенковского — Пху-Лалиня (Булгарин) и Ми-Лашуня (Н. Полевой) — можно считать установленными. Однако в истории сложных отношений Полевого и Булгарина конфликта, связанного с похищением чужой авторской собственности, не было. В то же время широко известен случай очевидного литературного воровства, сопровождавшегося клеветой на талантливое соперника, — использование Булгариным в его романе «Дмитрий Самозванец» (1829) фрагментов написанной еще в 1825-м, но опубликованной лишь в 1830 году трагедии Пушкина «Борис Годунов», с рукописью которой Булгарин познакомился благодаря своим связям с III Отделением.¹³ Думается, именно его и имел в виду Сенковский, вводя тему плагиата в свой антибулгаринский памфлет.

История отношений Пушкина и Булгарина в начале 1830-х годов не раз освещалась в научной литературе.¹⁴ Ошибочно приняв критический отзыв А. А. Дельвига о своем романе «Дмитрий Самозванец»¹⁵ за принадлежащий Пушкину, Булгарин немедленно ответил на него анонимным «Анекдотом», якобы перепечатанным из английского журнала и содержащим непристойную характеристику личности поэта. Представив себя под именем некоего литератора Гофмана — хотя и «не природного француза», но пользующегося «особенным уважением» «в просвещенной Франции», а Пушкина как «французского стихотворца, который, долго морочив публику передразнивая Байрона и Шиллера (хотя не понимал их в подлиннике), наконец упал в общем мнении, от стихов схватился за критику и разбрал новое сочинение Гофмана самым бесстыдным образом», Булгарин писал, что тот служит «усерднее Бахусу и Плутусу, нежели музам», что он «в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства» и «бросает рифмами во все священное».¹⁶

За «Анекдотом» последовала резкая рецензия Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина»,¹⁷ содержащая к тому же обвинение в отсутствии у автора патриотизма, а также прозрачный намек на будто бы содержащиеся в романе заимствования из «Ивана Выжигина» самого Булгарина: «Поэт взял обильную дань из „Горя от ума“ и, просим не прогневаться, из другой известной книги».¹⁸

На инсинуации своего оппонента Дельвиг откликнулся заметкой в «Литературной газете». Подхватывая намек Булгарина и якобы соглашаясь с ним, он возвращал ему обвинения в плагиате: «...из какой, просим не прогневаться, другой известной книги Пушкин что-то похитил? Не называет ли „Северная пчела“ известною книгою „Ивана Выжигина“, где находится странное разделение московского общества на классы, в числе коих один составлен из архивных юношей? Кажется, что так, и мы тоже обвиним Пушкина, хотя по какой-то игре случая его описание Москвы было написано прежде „Ивана Выжигина“ и напечатано в „Северной пчеле“ почти за год до

¹³ См.: Лотман Л. М., Виролойнен М. Н. Борис Годунов // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2009. Вып. 1. А–Д. С. 140–144. Судя по всему, Булгарин был автором анонимной рецензии на рукопись трагедии, составленной в 1826 году по поручению III Отделения. Литературное достоинство «Бориса Годунова» и мера его оригинальности были оценены в ней очень низко (там же. С. 141).

¹⁴ См., например: Гиппиус В. С. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 235–255; Гозенпуд А. А. Из истории литературно-общественной борьбы 20-х — 30-х годов XIX в. («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. VI. С. 252–275; Ларионова Е. О. Примечания // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 450–453, 457–459; Лотман Л. М. Примечания // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 584–585.

¹⁵ [Дельвиг А. А.]. Дмитрий Самозванец, исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина // Литературная газета. 1830. Т. 1. 7 марта. № 14. С. 112–113.

¹⁶ [Булгарин Ф. В.]. Анекдот // Северная пчела. 1830. 11 марта. № 30.

¹⁷ [Булгарин Ф. В.]. [Рец. на:] Евгений Онегин. Роман в стихах. Глава VII. Сочинение Александра Пушкина // Северная пчела. 1830. 22 марта. № 35; 1 апр. № 39.

¹⁸ Северная пчела. 1830. 1 апр. № 39 (курсив мой. — А. К.).

появления сего романа. Обвиним Пушкина и в другом, еще важнейшем похищении: он многое заимствовал из романа „Дмитрий Самозванец“ и сими похищениями удачно, с искусством, ему свойственным, украсил свою историческую трагедию „Борис Годунов“, хотя тоже, по странному стечению обстоятельств, им написанную за пять лет до рождения исторического романа г. Булгарина». ¹⁹

В том же номере «Литературной газеты», в том же отделе «Смесь» была напечатана и заметка Пушкина «<О записках Видока>», ставшая ответом на болгаринский «Анекдот». Она содержала убийственные характеристики Булгарина, изображенного под именем французского преступника и авантюриста, ставшего впоследствии главой парижской сыскной полиции: «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, <...> отъявленного плута, столь же бесстыдно, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения этого человека». ²⁰

В своем следующем памфлете — статье «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» — Пушкин прямо высказался и о болгаринском плагиате. Простодушно защищая «классика» низовой литературы А. А. Орлова, использовавшего в нескольких своих сочинениях имена персонажей и сюжетные линии романов Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин», пушкинский Феофилакт Косичкин недоумевал: «...грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Венедиктовичем? — Но разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем „Борисе Годунове“ все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?» ²¹

Опубликованный под тем же псевдонимом новый памфлет Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» содержал уже прямую угрозу обличения Булгарина как клеветника и плагиатора: «Я, — заявлял в нем Феофилакт Косичкин, — не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно <...>. Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, *обиняков, заграничных анекдотов* и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению». ²² Эта угроза не была голословной. Написанный Пушкиным еще осенью 1830 года в Болдино цикл заметок «Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений» включал «китайский анекдот», «обиняками» излагающий историю болгаринского воровства: «Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что гов<орят> за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось), [и] склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, пер-<ый> стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его бесст<ыдным>

¹⁹ [Дельвиг А. А.]. «В 39-м № „Северной пчелы“ ...» // Литературная газета. 1830. Т. 1. 6 апр. № 20. С. 161.

²⁰ [Пушкин А. С.]. «В одном из № „Литературной газеты“ упоминали о записках парижского палача...» // Там же. С. 162.

²¹ Феофилакт Косичкин [Пушкин А. С.]. Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов // Телескоп. 1831. Ч. 4. № 13. С. 144. Текстуальная близость цитированного фрагмента и приведенной выше цитаты из заметки Дельвига позволяет предположить, что Пушкин мог принимать участие и в ее написании.

²² Феофилакт Косичкин [Пушкин А. С.]. Несколько слов о мизинце г. Булгарина // Телескоп. 1831. Ч. 4. № 15. С. 412 (курсив мой. — А. К.).

обр<азом>. Траг<ик> Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.».²³

Помимо содержания, на героя памфлета ясно указывала сама избранная Пушкиным форма «китайского анекдота». Она пародировала один из характерных для полемической манеры Булгарина «обиняков» — опубликованный еще в 1829 году фельетон, иносказательно рассказывающий о нашумевшем конфликте между двумя московскими журналистами — маститым редактором «Вестника Европы», профессором Московского университета М. Т. Каченовским и редактором «Московского телеграфа» Н. А. Полевым.²⁴ В ответ на насмешливый отзыв Полевого о себе и своем издании Каченовский, не желая вступать в открытую полемику, подал жалобу в Московский цензурный комитет, требуя наказать обидчика. Перипетии этого конфликта Булгарин подробно изложил в виде корреспонденции, якобы полученной из Пекина, наполнив свой фельетон и насмешками над комичными с точки зрения европейца китайскими представлениями и традициями: «В Пекинской официальной <так!> газете 15 числа III луны напечатано следующее любопытное решение китайской Палаты церемоний: „<...> В заседании высокостепенной Палаты <...> после рассуждения о пяти добродетелях, шести обязанностях и семи приличиях <...> слушали представление высокопочтенного *Ды-ду-сио-джина* <...>, который изъясняет следующее: «Младший брат *Ды-ду-сио-джин* Южной столицы²⁵ Небесной империи долгом поставляет представить старшим своим братьям, присутствующим в Палате церемоний Северной столицы, что председательствуемая им Палата стихов и прозы исправно печется о соблюдении в Южной столице правил пяти добродетелей, шести обязанностей и семи приличий и старается согласовать между собою противоборствующие действия материи движущейся и материи неподвижной, из которой состоят все предметы вещественного мира. Но Палата стихов и прозы не может никак управиться с журналистами Южной столицы, у коих все материи так перемешаны, что от сего вскоре последует совершенный хаос в головах их читателей. Журналист *Чунь-пхун-жуй-ча-юань-гун-ши-дзы* напечатал на журналиста *Гай-чан-тун-пхин-хой-бу-бо-ли* жестокую критику, в которой доказывает, что сей последний ничего не знает, ничего хорошего не сочинил и потому не имеет никакого права на доверие читателей к странным мнениям, провозглашенным от него в издаваемом им журнале. Журналист *Гай-чан-тун-пхин-хой-бу-бо-ли* есть, как известно, мандарин третьей степени и член *Хань-линя*, ученого сословия Южной столицы Небесной империи. Обидясь сими смелыми замечаниями <...> журналист-мандарин <...> внес в собрание *Хань-линя* жалобу на дерзость своего противника и в доказательство того, что он все знает и имеет неоспоримое право на доверие публики к его мнениям, представил собранию золотой шарик своей мандаринской шляпы, четыре жалованные ему павлиньи пера и 12 больших пуговиц с изображением дракона. Кто осмелится противоречить столь ясным

²³ Пушкин А. С. Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. С. 169.

²⁴ См.: Белкин Д. И. О поэтике «китайского анекдота» А. С. Пушкина // Болдинские чтения [1987]. Горький, 1988. С. 86–96. В. В. Виноградов атрибутировал Пушкину и анонимную заметку «В газете „Le Furet“ напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. — Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово» (Литературная газета. 1830. Т. II. 9 авг. № 45. С. 72), рассматривая ее как первую пушкинскую «пародию на китайские анекдоты Булгарина» и «иронический итог толков, вызванных статьею Пушкина о сочинениях Видока» (Виноградов В. В. Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Вып.] 4–5. С. 473, 474). Разделяя мнение Виноградова, как «краткий пересказ» болгаринского анекдота оценивал эту заметку и Д. И. Белкин (Белкин Д. И. О поэтике «китайского анекдота» А. С. Пушкина. С. 88). В. Э. Вацуро, установив подлинный генезис текста, никак не связанного с фельетоном Булгарина, поставил под сомнение аргументы Виноградова (Вацуро В. Э. «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и художественная проблематика. Л., 1974. С. 177–178). См. в этой связи также: Сперанская Н. Петербургская газета «Le Furet» / «Le Miroir» (1829–1833) // Новое литературное обозрение. 2008. № 6 (94). С. 402–406.

²⁵ Под южной столицей Булгарин подразумевает Москву, под северной — Петербург.

доказательства ума мандаринова? Собрание *Хань-линя* заключило единогласно, что золотой шарик, украшающий верхушку остроконечной шляпы почтенного *Гай-чан-тун-пхин-хой-бу-бо-ли*, его павлиньи перья и большие вызолоченные пуговицы совершенно удостоверяют, что он все знает, имеет право судить обо всем как ему угодно, и все обязан беспрекословно верить ученым его приговорам; что, следовательно, противник его *Чун-пхун-жуй-ча-юань-гунь-ши-дзы*, обидев сими укоризнами личную честь мандарина и достоинство его золотых шариков, павлиньих перьев и больших позолоченных пуговиц, нарушил тем самым правила пяти добродетелей, шести обязанностей и семи приличий и, по законам Небесной империи, заслуживает наказания 80 ударами бамбуса по пятам. Вследствие сего собрание <...> требует от Палаты стихов и прозы, чтобы она приняла меры к наказанию дерзнувших утверждать перед лицом всей Небесной империи, что можно быть невеждою, нося золотой шарик на шляпе, павлиньи перья за ухом и пуговицы с изображением дракона на кафтане. <...> Палата стихов и прозы признает мнение собрания <...> достойным уважения, ибо говорить, что золотой шарик на остроконечной шляпе не означает ума, противно ненарушимым законам вещественного мира и действию двух материй, движущейся и неподвижной. Но *Сянь-гун*, один из заседателей левой стороны сей Палаты, полагает, что мнение ученого собрания *Хан-линя* неосновательно и что можно быть набитым невеждою, нося золотые шарики не только на верхушке шляпы, но и на конце носа и на оконечностях всех двадцати пальцев и имея сверх того все тело, покрытое павлиньими перьями. <...> Теперь неизвестно, что делать? Подлинно, трудно решить сей столь важный вопрос. Почему Палата стихов и прозы Южной столицы, по правилам семи приличий, семь раз нижайше поклоняясь в стихах и в прозе пред высокостепенною Палатою церемоний Северной столицы, испрашивает решения в сем деле. Сверх того, замечая, что журналисты китайские в издаваемых ими сочинениях ругают друг друга без церемоний, покорнейше просит высокостепенную Палату церемоний предписать на будущее время правила, основываясь на коих можно было бы в известных случаях остановить сию журнальную брань, столь бесполезную для словесности и противную духу десяти тысяч церемоний, искони существующих в Небесной империи». Палата церемоний, по зрелом соображении вышеизложенных обстоятельств определила отвечать Палате стихов и прозы Южной столицы, что она совершенно согласна с мнением заседателя левой стороны *Сянь-гуна* и что в замечаниях журналиста *Чун-пхун-жуй-ча-юань-гунь-ши-дзы* на журналиста *Гай-чан-тун-пхин-хой-бу-бо-ли*, относящихся единственно к его литературным занятиям, оно не усматривает ничего оскорбительного как для личной его чести, так и для шариков, перьев и пуговиц; что же касается до жестокой брани некоторых китайских журналистов, то разделяя с Палатою стихов и прозы желание, чтобы вообще литературная полемика приняла в Небесной империи тон приличнейший и благороднейший, Палата церемоний, не находя в законах никакого воспрещения журналистам говорить взаимно себе грубости и колкости, полагает, что исправление сего недостатка надобно представить успехам просвещения и общему вкусу публики; если же нынешняя китайская публика столь мало имеет оного, что покупает подобные ругательства и брани, то пускай и читает оные. Почитайте сие. («*Прислано из Москвы.*»)»²⁶

Пушкинский «Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений» остался неопубликованным. Тем примечательнее, что Сенковский, спустя десятилетие, вновь использовал в своем памфлете тот же ориентированный на псевдокитайский фельетон Булгарина способ иносказания.²⁷ Как и в пушкинских выступлениях, недруг Сенковского предстал в его комедии бесчестным «литературным промышленником», бездарным писателем, недобросовестным критиком, плагиатором и клеветником.

²⁶ [Булгарин Ф. В.]. «В Пекинской официальной газете...» // Северная пчела. 1829. 16 марта. № 33 (Смесь).

²⁷ Знакомство Сенковского с этой публикацией Булгарина не вызывает сомнений: в 1829 году он был цензором «Северной пчелы». Вкладывая в уста Ми-Лашуня реплику «...в свою жизнь я прибил порядком нескольких важных мандаринов» (с. 51), автор «Фаньсу» мог иметь в виду также и выступление Полевого против Каченовского.

В. А. Каверин, уделивший «Фаньсу, или Плутовке горничной» в своей книге особое внимание, объяснял ее появление тем, «что в 1839 году „Северная пчела“ перешла по отношению к Сенковскому всякие границы литературного приличия». По его мнению, комедия Сенковского стала, в первую очередь, ответом на «два пасквиля Булгарина» — «Несколько листов из философической истории неоткрытого поныне острова» и «Святочная игра в последний день 1839 года».²⁸ В действительности же последовательность событий была иной. Публикации Булгарина появились в «Северной пчеле», соответственно, 27 июля и 30 декабря 1839 года,²⁹ а пьеса Сенковского была написана не позднее начала августа (цензурное разрешение второй части тридцать пятого тома «Библиотеки для чтения» подписано 12 августа, на титульном листе она обозначена как августовская). Таким образом, памфлетная линия «Фаньсу» была вызвана *предшествующими* ей булгаринскими выступлениями, включающими и «Несколько листов из философической истории...», а беспрецедентная по своей грубости «Святочная игра в последний день 1839 года», в которой «ненависть Булгарина к Сенковскому достигает <...> физиологического отвращения»,³⁰ стала ответом Булгарина на высмеивающую его комедию — явным свидетельством того, что он узнал себя в «книжных дел мастере» созданного Сенковским «китайского анекдота».

²⁸ Каверин В. Барон Брамбеус... С. 136–139.

²⁹ Б<улгарин> Ф. 1) Несколько листов из философической истории неоткрытого поныне острова // Северная пчела. 1839. 27 июля. № 166. С. 664; 2) Святочная игра в последний день 1839 года // Северная пчела. 1839. 30 дек. № 294. С. 1175–1176.

³⁰ Каверин В. Барон Брамбеус... С. 139.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-143-152

© С. Н. Гуськов

О НЕИЗВЕСТНЫХ СТАТЬЯХ И. А. ГОНЧАРОВА В ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА»*

Период биографии И. А. Гончарова с октября 1862-го по июнь 1863 года, когда он, по приглашению министра внутренних дел П. А. Валуева, служил главным редактором правительственной газеты «Северная почта», не отмечен пристальным исследовательским вниманием. Еще в 1911 году С. А. Венгеров в составленной им библиографии писателя указал, что Гончаров в 1862–1863 годах поместил ряд анонимных статей в газете «Северная почта».¹ Однако что это за статьи, сколько их было, на каком основании Венгеров приписал их Гончарову, — все это, к сожалению, осталось неизвестным. До самого последнего времени в научный оборот было введено два текста этого периода, принадлежавших перу Гончарова. В 1958 году И. Ф. Ковалев опубликовал программный текст Гончарова «О способах издания „Северной почты“».² Этот документ чрезвычайно важен не только для понимания целей и задач Гончарова — главного редактора, но и, как будет показано далее, для установления авторства других гончаровских произведений, помещенных в «Северной почте» анонимно. Текст не предназначался для печати, это служебная записка, поданная Гончаровым министру Валуеву. Кроме того, он подписан, поэтому проблема установления авторства по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Венгеров С. А. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 5. С. 236.

² Ковалев И. Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 130–141.